

Валентина Елисеева

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Валентина Елисеева

Держитесь, маги, я иду!

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

 Москва, 2019
ЭРМАЛА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Е51

Серия основана в 2011 году
Выпуск 423

Художник
Е. Никольская

Елисеева В.

Е51 Держитесь, маги, я иду!: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 375 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2851-9

Молодой учительнице, живущей с отцом-алкоголиком и лишь мечтающей о муже и семье, высшие силы вдруг дают все: юное прекрасное тело в другом мире, богатого родителя-купца и благородного красавца-жениха. Претендент на руку Анастасии Николаевны молод, исключительно хорош собой, умен, образован, воспитан, великодушен, обаятелен и к тому же сильный маг-стихийник из высокопоставленной семьи... Вы тоже чувствуете здесь некий подвох? Поздравляю! У вас отличная интуиция!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Валентина Елисеева, 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2851-9

Часть первая

ДЕРЖИТЕСЬ, МАГИ, Я ИДУ!

ГЛАВА 1

Творить добро — дело приятное и благородное, но крайне невыгодное.

Анна Алексеевна, директор школы № 133, тяжело вздохнула.

— Еще двух учеников перевела из 2-го «А» во 2-й «Б» по требованию родителей. Как мы будем объяснять управлению образования тот факт, что в одном втором классе у нас пятнадцать учеников, а в другом уже двадцать восемь? Образовательная программа в них одинаковая.

— Так вы поговорите серьезно с Анастасией Николаевной. Запретите ей с отстающими детьми после уроков заниматься, на переписывание контрольных работ с продленки их забирать. Это же прямое нарушение прав ребенка на отдых!

— Да, а еще запретить ей интересно проводить уроки, объяснять детям все по сто раз, пока не поймут. А Екатерине Сергеевне запретить заниматься с детьми платным репетиторством после тех же уроков. Вот это прямое нарушение прав ребенка на бесплатное образование, да еще и незаконное оказание платных услуг в стенах школы, как бы она ни выдавала это репетиторство за ту же «работу с отстающими». И ведь Екатерину Сергеевну совершенно не волнует переход детей в параллельный класс.

— Пфф! А чего ей волноваться-то? Детей меньше, а платят им с Настей одинаково.

В кабинете 2-го «Б» класса усталая молоденькая учительница стирала с доски примеры, написанные корявым детским почерком. Детишки весело собирали тетради и учебники.

— Анастасия Николаевна, мы к вам после обеда придем класс к Новому году украшать!

— А моя мама сказала, что торт на чаепитие она уже заказала. У нее знакомая в кафе, ух, какие торты вкусные делает!

— До свидания, Анастасиечка Николаевна!

Дети вышли. В классе осталась только учительница. Анастасия набрала на телефоне номер отца. После долгих гудков в трубке наконец-то прозвучало:

— Привет, доча! Чегой-то про своего непутевого папашу вспомнила?

У Насти прямо ноги подогнулись при звуках хриплого голоса и произнесенных заплетающимся языком слов.

— Папа, ты что, опять пьян? Ты же сегодня утром уходил на собеседование в фирму «БауманСтрой».

— Да, я ходил! Я ж, как тряпка, все твои указы выполняю! Только отец тебе все равно не нужен! Вот Ларочке был нужен, но ее уже нет, моей красоты! И все про нее забыли! ВСЕ! Кроме меня... Толька я ее один вспоминаю...

— Скорее, поминаю. Водкой! Папа, что в фирме сказали? Ты хоть оставил резюме?

— Лелюме я не оставил. Не надоть оно им. Не понимают они горя моего! Жена померла, молодая, жила б и жила б еще! И никому дела нет! И врачей тех... не наказали... — Николай Ильич Орлов зашелся пьяным плачем.

Настя нажала на сброс звонка и села за парту, обхватив голову руками. В очередной раз говорить отцу, что последнюю стадию поздно обнаруженного рака вылечить не смог бы ни один врач на свете, было бессмысленно. Он и в трезвом виде с трудом с этим соглашался. Мамы не стало два года назад, она ушла в возрасте сорока пяти лет, оставив двадцатидвухлетнюю дочь и безутешного мужа. Первые полгода после похорон отец пил беспробудно, а убитая горем Настя и не пыталась ему препятствовать. Потом отца уволили из солидной строительной компании, где и так слишком долго ждали, когда же придет в себя их главный инженер. Настя серьезно с ним поговорила, дождавшись момента просветления, убрала из дома все спиртное и наивно ожидала возвращения отца в привычное нормальное состояние. Однако оказалось, что алкоголизм недаром был признан болезнью еще в 1952 году Всемирной организацией здравоохранения. Ибо отказаться от спиртного тот просто не смог. Желание выпить стало для него непреодолимым, жизнь без зеленого змия казалась ужасной. Отец говорил, что без водки он просто помрет от тоски по матери, и обвинял свою дочь и других родных в бесчувственности, неблагодарности и всех прочих пороках, что только вспоминались его проспиритован-

ным мозгом. Попытки ограничить количество потребляемого им спиртного вызывали истерики, громкие скандалы и попытки продать вещи и домашнюю бытовую технику. Один раз мучившийся от похмелья Николай Орлов, не найдя понимания в лице «зажавшей деньги» дочери и приехавшего защитить дом от разграбления брата, залив порог соседей слезами, занял у них двести рублей и купил бутылку самогонки. После этого он впервые попал в больницу с сильнейшим абстинентным синдромом. После курса лечения и длительной реабилитации Орлов на какое-то время поутих и даже устроился на работу, благо что с предыдущей работы (недаром он на них пятнадцать лет работал) ему дали хорошие рекомендации, не указав, что причиной ухода стали запои. Настя тогда радостно и облегченно выдохнула, но всего через две недели кошмар вернулся: психологическую зависимость от алкоголя в отличие от физической лечение снять не смогло.

Настя набрала номер «БауманСтроя».

— Добрый день! Это Анастасия Николаевна Орлова. К вам сегодня на собеседование мой отец Николай Ильич Орлов приходил.

— Да, приходил. Девушка, мы не берем на работу людей с алкогольной зависимостью. Вы полагали, что мы не поинтересуемся у своих коллег, почему они его с двух предыдущих мест работы уволили?

— Но он проходил лечение. Только неделю назад вышел из клиники. Его закодировали. И сегодня утром, отправляясь к вам, он был абсолютно трезв. Если бы вы его приняли, у него был бы стимул не пить. Он всегда любил свою работу. Он хороший специалист.

— Утром был трезв, а теперь, видимо, пьян? Из-за нас, таких недоверчивых. Девушка, ваш отец БЫЛ хорошим специалистом. Не перекладывайте на нас свои проблемы.

В телефоне раздались гудки.

«Господи, за что мне это? Вначале потерять мать, потом отца. Ведь по факту отца у меня уже нет. Он просто сдался, ему никто и ничто не нужно. Только водка».

Остаток рабочего дня Настя, сдерживая слезы, весело улыбалась вернувшимся детям, развешивала шарики и мишуру по стенам и переливающиеся разными цветами светодиодные гирлянды по окнам.

Вечером она шла по шумному предпраздничному городу, с легкой завистью и грустью смотрела на влюбленные парочки, семьи с детишками. Обошла центральную площадь с большой наряженной елкой, сувенирными палатками и ларьками с выпечкой. Рядом разливали горячий глинтвейн. Звучала музыка, большая группа молодежи танцевала прямо здесь же, на площади.

«Не хочет папа вновь начать жить по-человечески, и не надо! Я свою жизнь построю сама. И семья у меня будет — новая. Муж и дети. Если папа готов семью променять на водку — это его выбор, он взрослый человек, имеет право жить, как хочет». И Настя решительно повернула домой.

«Надо будет комнату снять у какой-нибудь старушки. Недорого, но я помогать ей буду чем могу. Убрать там, в магазин сходить. Можно же найти варианты. И в соседней школе часы на продленке взять — у них там вакансия есть. Двух зарплат должно хватить».

— О, дочь пришла с гулянки! Отец ее дома ждет, волнуется, а она шляется непонятно где.

— Папа, я с работы.

— С какой работы? Восьмой час уже! Тебе просто дела нет, что отец волнуется. Ни до кого дела нет! Плевать на всех! И до матери никогда дела не было! Как померла, так и не вспомнишь!

— Это я-то не вспомню? В годовщину ее смерти месяц назад я одна, без тебя, и на кладбище, и в церковь ходила. А ты пил! И не вспомнил бы даже, что это день ее смерти, если бы дядя Валера с тетей Катей поминать не пришли. Это тебе дела ни до кого нет! Ни до меня, ни до себя, ни до матери!

Лицо Орлова страшно перекопилось, побагровело. Он несколько раз открыл и закрыл рот и закричал:

— Не смей! Да как ты... Как ты... Тварь! Горя ты не чуяла по-настоящему! Ты бы попробовала так, как я, жить! Когда все внутри огнем жжет, кишки выворачивает...

— Не ври! Ничего у тебя после клиники не жгло. Я с врачами говорила. Ты просто тряпка, слабак без воли, которого поработил этиловый спирт, и который даже НЕ ПЫТАЕТСЯ вернуть себе человеческое лицо.

— Ты... ты... я тебя... ты бы попробовала...

Он схватился за сердце и упал.

Настя сидела в больнице у постели окутанного трубками и проводами отца.

— Инфаркт это, деточка. Да еще и осложненный алкогольной интоксикацией. Нельзя ему пить, а то долго не протянет. В этот раз чудом спасли.

Анастасия Николаевна слушала говорливую медсестру, разрешившую ей минуту посидеть у отца в отделении реанимации, и думала, что в пустую квартиру вернуться не сможет. Спустя час, уже ночью, она стояла на пороге квартиры Наташи Кузьминой.

Наташа была Настинной подругой со студенческих времен. На первом курсе еще в очереди у дверей приемной комиссии познакомилась. Обе окончили педагогический институт, факультет начального образования. Только Наташа после института менеджером в крупный универсам устроилась, а Настя, отвергнув возможность хорошо зарабатывать, пошла работать по призванию.

— Понимаешь, я осознаю, что мои слова спровоцировали этот приступ, а вины за собой не ощущаю, — говорила Настя, грея руки о кружку чая на кухне Кузьминых.

— Да какой вины, Настя, помилуй боже! Дядя Коля сам виноват. Только из клиники вернулся — и на тебе. И без твоих слов этот инфаркт не заставил бы себя ждать. Стукануло бы его завтра утром, пока ты на работе, и точно уже помер бы к твоему возвращению.

— Я и не очень-то планировала возвращаться. Хотела комнату снимать.

— И то верно! Сколько ж тебе с ним мучиться, так и жизнь твоя пролетит. Ты такой веселой была раньше, на весь курс — главная заводила. Помнишь, как в КВН играли? Ты ж три года бессменным капитаном была. Всю команду за собой тянула. Варианты комнат-то уже смотрела?

— Нет, только сегодня решила съехать. Завтра суббота — планировала потратить выходной на поиск подходящей жилплощади. А теперь и не знаю... За ним уход нужен будет.

— Социальная служба помощницу пришлет. А тебе свою судьбу устраивать надо.

— Наташа, он мой отец. И он болен. У него просто не хватает силы воли. И мы ведь действительно не можем его трудности до конца понять — ведь сами никогда не были зависимыми.

— Вот только не надо его слова повторять. Слушать тошно. У тебя, значит, есть сила воли каждое утро в 05:30 вставать, на пробежку выходить и к 08:00 на работу свеженькой являться, а у него силы воли нет. Воспитывать ее надо — силу воли-то, сама по себе она с неба не падает. Да я уверена, случись с тобой такая напасть, ты бы не то что с алкогольной — с наркотической зависимостью справиться бы смогла.

— Это вряд ли. И это просто слова.

— Вовсе не слова. А делом этим у нас новые жильцы с первого этажа, кажется, занимаются.

— В смысле?

— В смысле, наркотой торгуют!

— Ты что? Так сообщить надо куда следует.

— Ну уверенности пока нет. Но как только — сразу сообщим.

Подруги проговорили до самого утра. Зимний рассвет пришел поздно, в пелене туч и снега, и Настя отправилась домой. Спускаясь в лифте на первый этаж, она услышала громкие возмущенные голоса:

— Ну дай одну! Только одну! Я заплачу, ты ж меня знаешь!

— Слушай, Кудрявый, я тебе уже говорил: сперва деньги, потом кайф. В долг не даю, понял? Деньги неси.

Захлопнулась дверь. Лифт стал медленно открываться. На этот дребезжащий звук обернулся молодой, ужасно худой парень с совершенно безумными глазами. Его взгляд замер на Настинной сумочке: «Деньги!» Она отшатнулась назад в лифт и прикрыла лицо. Сверкнуло лезвие ножа.

ГЛАВА 2

У кого-то жизнь идет по плану, у кого-то — как получится.

— Светлая душа. Опять насильственная смерть. Так рано.

— Темный все сильнее становится в этом мире. Он уже может уводить за грань тех, кому суждена была долгая жизнь.

Это про меня? Мне была суждена долгая жизнь? БЫЛА? Но как же так... Я хочу жить! Что происходит?

— Ты умерла в своем мире. Когда-нибудь ты возродишься снова. А сейчас твоя память угаснет...

НЕТ! Не хочу! Ведь должна была еще жить, по вашим же словам! Почему какой-то Темный меняет, как хочет, мою судьбу? Где справедливость, высшие силы, я вас спрашиваю? Верните мне жизнь!

— Это невозможно. В своем мире ты уже умерла.

Готова жить в чужом мире! Кто в другой мир? Я! В новое тело? Я! Жить в песчаном карьере? Я! Кажется, это истерика.

— Мы поняли тебя. Чтобы тебе иметь возможность возродиться в другом мире, мы должны отпустить тебя из этого. Но мы не можем обещать тебе другого мира. Если ни один из них не притянет тебя, ты исчезнешь навсегда.

А какие критерии отбора? В какой мир есть шанс попасть?

— В подобный твоему — шансов нет. Скорее — в один из умирающих миров, ты достаточно светлая, чтоб дать толчок к его возрождению. Он примет тебя, а ты поможешь ему — в этом будет высшая справедливость.

Если критерий отбора — высшая справедливость, то грех не согласиться.

— Ты приняла решение добровольно.

Сознание залил золотой дождь. Настю кружило в нем и словно несло по длинному туннелю. Сквозь золотистую пелену со всех сторон были видны вспыхивающие и гаснущие радужные пятна. Одно пятно застыло, стало приближаться и расти, расти, расти...

Настя очнулась от того, что ее больно хлестали по щекам. При попытке что-то возмущенно сказать из горла хлынула вода. Она зашлась кашлем, стараясь втянуть в горящие огнем легкие так необходимый им воздух.

— Очнулась! В себя пришла, сердечная! Жить будет ваша доченька, Еолофей Баевич!

— Все равно ты, Пелька, конюха за лекарем пошли. Да не за простым. Пусть он к Авару Лютену скачет.

— Так поедет ли к нам Лютен, господин?

— А то! Моя дочь — невеста самого Северина Таиса.

Вокруг нового Настиного тела засуетились. Подняли, понесли, на мягкую поверхность в каком-то доме положили. Служанки сняли мокрое платье и запахнули бывшую Анастасию Николаевну в большую лохань с горячей водой. Только тут ее временно оставили в покое и позволили оглядеться. Вокруг нее были люди. Самые обычные женщины, видимо, слу-

жанки. Во всяком случае, ни клыков, ни необычных глаз, ни хвостов у них не наблюдалось. Настя порадовалась, что понимает местный язык. Он хоть и звучал несколько непривычно для ее слуха, но проблем с осознанием смысла речи не было. Она попробовала тихонько повторить несколько слов на местном диалекте, и у нее получилось.

— Вы что-то сказали, мисс? — повернулась к ней бойкая молодая служаночка.

— Нет. Что со мной случилось?

— Ой, а вы не помните?

Настя отрицательно покачала головой. Служанка присела на край ванны и заговорщицки прошептала:

— Ой, не стоит мне напоминать вам об этом, раз забыли, да другие-то молчать все равно не станут. Утопнуть вы хотели, сердечная наша. Батюшка теперь с вас до самой свадьбы глаз не спустит, следить будет. Уж больно много ему денег за вас род Таисов заплатил.

— И че треплешь! Тебе-то откуда знать? — тоже шепотом прошипела вторая служанка постарше.

— А вот знаю! Я когда в библиотеке прибиралась, потайная дверь из нее в кабинет хозяина приоткрыта была — он как раз монеты золотые пересчитывал после ухода лорда Марона Таиса — батюшки жениха вашего. И жуть много этих монет-то было!

— Я совсем ничего не помню! Помогите мне хоть что-то вспомнить, девушки, миленькие, пожалуйста! Век благодарить буду! — попытала счастья Настя. Больше знаешь — меньше вопросов и подозрений вызываешь.

Ее слова произвели несколько странное впечатление. Девушки виновато переглянулись, дружно вздохнули, одна даже слезинку смахнула.

— Да какой уж там век, — пробормотала та, что старше.

Молодая пихнула ее локтем, и говорившая замолчала. Ой, темна вода в этом омуте!

— Да что вам рассказать-то? Про жениха вашего ничего и не ведаем, не по нашему положению о таких важных господах ведать, — затараторила молоденькая.

— Про семью мою расскажите, про родителей. Кто они, чем на жизнь зарабатывают.

— Неужто и этого не помните? — ахнула служанка. Настя качнула головой, и та продолжила: — Батюшка ваш купец из-

вестный, лавку скобяных товаров в столице держит, Еолофе-ем Баевичем его зовут. Матушка ваша померла, вас родивши, до десяти лет отец вас один воспитывал. А опосля вторично женился на мачехе, стало быть, вашей, Айене Марвек. В смысле, в замужестве она теперь Марвек. Ну и вы Марвек. Это-то хоть помните? — Настя еще раз качнула головой. — Да неужто и имени своего не помните?! Мисс Наиля Марвек вас зовут!

Анастасия даже спасибо сказать не успела — в комнату завалился невысокий круглый пожилой уже мужчина с заметными залысинами и полуседой.

— Ну, дочь, не ожидал от тебя! Ты чего это удумала? Семейю подвести и обесчестить? Как бы я Таисам в глаза смотрел, коли померла бы?

Да, родительской любви тут, видно, и в помине нет. Что ж так не везет с родителями? Матери в обоих мирах умерли, отцам на меня плевать с высокой колокольни, был бы только прок какой от дочери.

— Наилечка память потеряла, Еолофей Баевич! Даже имени своего не помнит. И вас не помнит. Ничего вообще не помнит.

— Было бы еще что помнить! На меня вот сейчас посмотрела — запомнила, а событий в ее жизни и не было никаких. Росла, играла, как все дети. Теперь вот выросла, замуж пойдет. А здоровье ее Лютен проверит, может, и память поправит.

— Неужто сам Авар Лютен приехать соизволит? — удивилась молоденькая.

— Почему нет? Ему все равно послезавтра на помолвку приезжать бы пришлось, а так погостит у нас на пару дней дольше.

Батюшка покинул комнату.

— А кто такой Авар Лютен? — поинтересовалась Настя.

— Это очень известный лекарь-маг! — похвасталась эрудицией говорливая молодка.

Такая служанка — просто находка для попаданки. Тут Настя окончательно осознала ее слова.

— Как маг? Тут что, магии есть?

— Где тут-то? У нас в доме нет, само собой. А так имеются, конечно. Куда ж они денутся? — удивилась девица, поднимая хозяйскую дочь из воды и ловко заворачивая ее в большое полотенце. — Вы ложитесь, мисс. Отдохнуть вам надо. Завтра

ведь жених со своим батюшкой пожалуют. Знакомиться будете. — И, наклонившись, зашептала: — Про сегодняшнее дело-то не говорите им ничего, и батюшка ваш уже молчать всем повелел. Лекарю-то сказано, что случайно вы на берегу оступились.

Анастасия Николаевна Орлова была наряжена служанками в тонкую батистовую сорочку, уложена под пуховое одеяло и оставлена почивать. Свечи на столике у кровати по ее просьбе не погасили.

«Наконец-то все ушли! Где тут зеркало виднелось? Ну, здравствуй, новая Настя. Хорошо, что в женское тело попала. А то могла бы, как в голливудском фильме «Подмена» или в нашем «Любовь-морковь», в теле другого пола очутиться. Теперь, похоже, мне снова семнадцать. Лицо довольно миленькое: в форме сердечка, с большими голубыми наивными глазками под тонкими темными бровками. Губки пухленькие, бантиком. Волосы белокурые, крупными локонами до талии спускаются. Ну прямо девочка-куколка, не обремененная интеллектом. Фигура еще не до конца женские очертания приобрела. Что ж ты в воду прыгнула? Чего такого мне не рассказали? Судя по словам «батюшки» и служанок, ничего значительного в моей жизни не происходило, любимого человека не было. Ну замуж по расчету выдают. Так что за беда? В нашем мире полно таких браков, и ничего, живут. Кто-то даже счастливо. Я-то точно только из-за денег нос от супруга воротить не буду. Сама же вчера о муже, семье и детях мечтала. Раз он такой важный господин, как говорят, то вряд ли глуп. И отец его еще жив — стало быть, есть надежда, что жених не так уж и стар. Стерпится — слюбится. Основа счастливого брака — уважение. Вот и начнем с него. Надо бы завтра с утра в библиотеку попасть, хоть что-то об этом мире почитать, чтоб за неграмотную не приняли. Кажется, все попаданки с библиотеки начинают».

С этими мыслями Настя улеглась и на удивление быстро и спокойно уснула.

Утром землянка проснулась от шума льющейся в умывальный тазик воды. Прежняя молоденькая служанка готовилась помочь хозяйке с утреним туалетом.

— Доброго утрачка, мисс! — прошептала она.

— Доброго... а как зовут тебя, девушка? — поинтересовалась Настя.

— Калира, мисс. Вы так ничего и не вспомнили? — Служанка посмотрела, как Настя с печальным видом качает головой, и зашебетала дальше: — Сейчас лекарь к вам придет, он уже прибыл. А если Лютен память вернуть не сможет, так жениха вашего попросите: говорят, он маг посильнее многих!

«Как маг? Мой жених тоже маг? Так это же здорово! Совсем не ясно, почему куколка помереть решила! У них ведь маги в большом почете, как я понимаю. Вон с каким восторгом Калира слово «маг» произносит. Срочно! Срочно в библиотеку!»

Визит в библиотеку пришлось отложить до окончания медицинского осмотра. Известный в данной местности лекарь-маг оказался интересным мужчиной с карими глазами, лет тридцати на вид. Поводив над Настей руками, он сообщил, что все в порядке, девушка абсолютно здорова, а психические заболевания и память вылечить ни один маг не может, как всем образованным людям должно быть известно. «Я образованная! Высшее образование имею. И в вашем мире буду образованной, как только до книг доберусь. Надеюсь, проблем с чтением тоже не возникнет».

После ухода мага Калира принесла завтрак прямо к Насте в спальню («в обеденном зале к приезду важных господ готовят все, не до вас им там»), а потом проводила мисс Наилю в библиотеку. Первым делом Анастасия проверила, может ли она читать, схватив первую попавшуюся книгу. Бурно порадовавшись, что может, она стала искать книги по физической и политической географии этого мира. Этот процесс оказался длительным и сложным, так как в «батюшкиной» библиотеке книги стояли как попало: философские трактаты рядом с пособиями по дрессировке охотничьих собак, книги по этикету вперемешку с детскими сказками в картинках, учебники по арифметике с сентиментальными романами. Вряд ли домочадцы использовали библиотеку по прямому назначению. Через час Настя отчаялась найти в этом хаосе хоть что-то нужное. Приближалось время обеда и знакомства с женихом, а Настя так ничего и не узнала об этом мире.

«Придется больше молчать, чем говорить. Прикинусь смущенной застенчивой невестой. С такой-то внешностью это как дважды два!»

В процессе своих поисков Настя приблизилась вплотную к гардине, что висела на дальней стене. Из-за нее тянуло сквознячком и слышались мужские голоса.

«А вот и потайная дверь нашлась! Какая-то она условно потайная. Ну, книг тут не нашла, так хоть послушаю, что люди говорят. И совесть меня мучить не будет. Каждый выживает как может». И Настя прильнула ухом к щели в приоткрытой двери.

— А почему я должен гореть желанием спариваться с этой человечкой?

— Прекрати! И прояви уважение к этой особе — это мать твоего будущего ребенка.

— О нет, не мать! Матерью она стала бы, если бы вышла замуж за какого-нибудь человеческого парня, родила бы ему детей, заботилась бы о них, читала бы им сказки на ночь, вытирала бы им сопли и слезы и пекла пироги на их дни рождения. А у моего сына матери не будет! Когда достаточно подрастет, чтобы проявить хоть каплю понимания, я, как и все, отвезу его в лаприкорий и покажу, какое именно из обезумевших существ дало ему жизнь.

— У твоего сына будет отец. И он будет понимать (да-да, будет!), что другого варианта у нашей расы все равно быть не могло. И что это великая удача, что человеческие женщины с нами совместимы и способны родить нам сыновей.

— Похоже, человечки со всеми совместимы, — с презрением произнес жених. — Интересно, если у горных троллей начнутся проблемы с рождаемостью, люди и им своих женщин продавать будут?

— Прекрати, сын. Ты не хуже меня все понимаешь. Даже лучше — ведь именно тебя дед прочит в свои преемники, — усмехнувшись прозвучал тихий мужской голос.

Настя в ужасе прижималась к двери. «Если я выйду за него замуж — я стану безумной? Или это произойдет еще раньше — во время завтрашней помолвки? А я-то, дуручка, и не подумала: как это странно, что на помолвке в обязательном порядке присутствует врач. Мне заморочили голову тем, что он маг, а надо было насторожиться, что он лекарь. Закон равновесия в природе: дали тело — отняли разум? Я сойду с ума? Я сойду с ума! Какая досада!»

Из смежной комнаты послышался шум отодвигаемых стульев, и попаданка метнулась прочь. Настя что есть сил бежала к комнате Авара.

— Господин лекарь! Позвольте спросить! — воскликнула она, задыхаясь, увидев выходящего из дверей мужчину.

— Конечно, мисс. Пройдемте в гостиную, — сделал широкий приглашающий жест Лютен.

— Нет! Можно поговорить в вашей комнате?

Авар окинул Настю задумчивым взглядом, но кивнул. Они прошли в двери и закрыли их за собой.

— Итак, я вас слушаю.

— Вам ведь уже говорили, что я потеряла память и самых простых вещей не помню... — начала Анастасия.

— Поверьте, в вашем случае это совсем не важно. А может, и к лучшему, — вздохнул доктор.

Настя начала паниковать. «Во что ты опять вляпалась, Орлова? Профукаешь новую жизнь, как старую? Собирай информацию, потом решишь, что делать. Тысячу баксов за инфу!»

— Пожалуйста, я хочу знать, что со мной будет!

— Замуж выйдешь, сына родишь.

— А чем грозит мне это замужество? И почему именно сына, не дочь?

Лекарь-маг Авар Лютен внимательно заглянул в умоляющие, встревоженные голубые глаза и начал рассказывать.

Смысл его рассказа, как поняла Настя, заключался в следующем: этот мир под названием Доин создали боги-близнецы: Донатос и Доната, мужское и женское начало, вечные инь и ян. И заселили они его тварями разными, разумными и неразумными. К разумным расам относились люди, горные и степные тролли. А над всем живым высшей расой были поставлены маги, призванные следить за естественным равновесием, предотвращать различные природные катаклизмы и помогать развиваться своим менее разумным собратьям, то бишь людям и троллям. И даны были этим магам способности: кому дар управления стихиями, кому дар общения с животными, кому целительский, а кому и дар силой живой растения питать и способствовать их росту и плодоношению. В каждом маге был только один дар: маг-стихийник никак не мог быть еще и создателем амулетов (с даром передачи магической энергии неживым предметам). Но забыли маги о своем призвании, возгордились сверх всякой меры, стали притеснять малые народы. Донатос поддержал магов в желании абсолютно властвовать на планете, а Доната за других разумных засту-

пилась да напомнила, для чего изначально магов создали. Переругались боги между собой и развязали в этом мире большую войну. И Донатос с магами победил людей да троллей, поддерживаемых сестрой его, богиней. Так и остались маги у власти. Но Доната не зря свою манну небесную ела: забрала она у расы магов свое инь изначальное, и перестали у них женщины рождаться. Маги в ответ все храмы богини в мире порушили, один только остался, тот, что здесь, недалеко от столицы, стоит, ибо поздно заметила злодейства их богиня, лишь последний храм силой своей укрыть успела. Теперь имя Донаты в этом мире под негласным запретом, жриц у нее совсем мало, и редко пополняются их ряды. А маги были вынуждены брать в жены женщин человеческих, и стали рождаться у них опять-таки сыновья (проклятие богини — вещь долгоживущая). И все было бы не так плохо, если б не одно «но». Организм магов не идентичен человеческому и выделяет вещество, которое самим магам позволяет управлять своими способностями, а при попадании в организм человека действует как очень сильный наркотик (да, именно наркотик, даже слово такое в их языке имелось, хоть и звучало, конечно, иначе). Когда люди были лишь слугами, то и проблем не было: с ними гордые маги не целовались, сексом не занимались, из одного стакана не пили. А вот с женами беда вышла. С первого же поцелуя начинали они чувствовать неодолимую тягу к мужу своему, да так, что про все на свете забывали, только о контакте и новой дозе этого интимнаркотика думали. А последствия, как и при регулярном приеме любой наркоты: обеднение и ослабление психики, утрата эмоций, психопатическая деградация личности, при которой все мысли и силы человека подчинены одной цели — найти и употребить наркотик. Через пару лет женщины становились полными идиотками. Физическое здоровье эти магические феромоны не задевали, зато по мозгам бедных женщин прокатывались паровым катком: бедные девушки даже навыков простейшего самообслуживания к концу второго года лишались, не говоря уже об утере понимания речи. Так что задача жены — успеть родить в первый год, пока у организма еще есть возможность хоть немного реабилитироваться, после чего ее «милосердно» отправляли в лаприкорий (местная психлечебница для бывших жен) доживать свои дни тихой сумасшедшей. А чтоб люди охотнее отдавали им дочерей, маги регулярно их запугивали силами своими и очень хо-

рошо платили за каждую «жену». Магов было очень мало в сравнении с людьми, и жили они гораздо дольше, так что девушек для рождения наследников требовали нечасто, и большинство людей были всем довольны.

Конечно, в изложении мага Лютена это звучало иначе. Гордые, невинно обиженные маги выживали как могли, всячески помогали людям и по мере сил заботились о женах. Он минут десять расписывал, как хорошо женщинам живется в психушке, как вкусно там кормят, красиво одевают, ведут реабилитационную работу. И несколько раз подчеркнул, что восстановление это и результаты дает: именно из стен лаприкория выходят иногда жрицы Донаты. И еще удивляла его полная убежденность в реальности существования местных богов. Будто сам их видел!

Когда Настя вернулась в свою комнату, глубину ее отчаяния трудно было описать. Бежать? Куда она одна, без денег и друзей, в чужом мире денется? Здесь глухое Средневековье, homo homini lupus est (человек человеку волк). Свои же «родные» найдут, свяжут и отнесут, им уже хорошо золота отсыпали!

В памяти всплыло отцовское: «А ты сама попробуй, тогда и суди». И шанса избежать этой «пробы» у нее не было.

Так вот ты какая, высшая справедливость! В памяти всплыла цитата Борхеса: «Мы судим других по поступкам, а хотим, чтобы нас судили по возможностям». Что ж, придется совершать поступки. Скоро обед. Надо морально подготовиться к встрече с «женихом».

Однако морально подготовиться ей не дали. Окно ее спальни запахнулось, и кто-то кубарем влетел в ее комнату. Этот кто-то оказался молодым симпатичным и глазастым парнем лет семнадцати, ровесником, если судить по ее новому внешнему виду.

— Наиля, бежим со мной! Я спасу тебя! — схватил он за руку Анастасию Николаевну и потянул к окну.

— Ты кто? — недоуменно произнесла девушка.

— Так ты правда ничего не помнишь? И меня забыла? Я Олан, жених твой, настоящий, мы с детства любим друг друга! У моего отца лавка в городе рядом с вашей. И твой отец был согласен на наш брак, пока Таис на тебя глаз не положил.

Настя посмотрела на его по-детски еще округлое лицо с первыми усиками над верхней губой, заглянула в огромные се-

рые глаза, опущенные длинными ресницами, с такой надеждой и лаской смотрящие на нее. И решилась.

— Бежим!

Добежали они только до окна. Под ним уже стояли вооруженные вилами хмурые слуги и грозный отец, потрясающий кулаком. Олана связали и посадили в погреб, пообещав после свадьбы выпустить.

— А ты, неблагодарная, быстро надевай свое лучшее платье и в обеденный зал спускайся. Слуги уже закуски расставляют. За столом и на мужа будущего посмотришь.

— Ах, неблагодарная? Ах, вспомнить в жизни нечего? А о том, что жених у меня любимый был, почему промолчали?

— Дуреха! Что он дать тебе мог, третий сын нищего купца!

— Любовь! Семейю настоящую! Детей, которых я сама бы воспитывала и любила. Ненавижу вас! Вы все обо всем знали, но все равно меня продали. Жизнь мою новую продали. Не пойду я на ваш обед! Или нет, лучше пойду. Еще как пойду! Я все этим магам недобитым в глаза скажу!

Настя рванулась к двери. Но купец-отец быстро сообразил, что в таком состоянии дочь покупателю показывать не стоит.

— У себя посидишь, — решил он, толкая Настю в комнату и запирая дверь. — И помни, под окном слуги! — крикнул он из коридора.

ГЛАВА 3

Чего не хочу, того не делаю! — Это свобода.
Но есть она не у всех.

Наступило утро помолвки. Мстительный родитель оставил вчера свою непослушную дочь не только без обеда, но и без ужина. Настя где-то слышала раньше, что голод обостряет разум, но ей и голод не помог: ничего толкового она за ночь так и не придумала. Мысль о том, что можно с гордым видом сказать завтра «нет» перед священником, или кто там у них, пришлось откинуть после разговора все с той же «всезнающей» Калирой. В этом мире, оказывается, нет ни священников, ни жрецов (кроме горсточки жриц Донаты, которые и

появились-то только после открытия первого лаприкория, они с людьми почти не контактируют). Помолвки и свадьбы все расы проводят в храмах Донатоса (этих соборов пруд пруди). Венчающиеся пары приходят в храм в сопровождении гостей и родственников, произносят принятые в их местности брачные клятвы, вешают друг другу на шеи цепочки с медальонами, на которых написано имя избранника (у родовитых еще и герб чеканят), целуются — и вуаля, готова новая ячейка общества. Раньше и маги так же женились на своих магинях. А теперь в паре мага с человечкой брачные обеты заменены на обещание жениха по мере сил заботиться о своей жене до самой ее смерти и клятву растить и беречь детей своих. Невеста вообще ни слова не говорит, и никакого согласия от нее не требуют. Она, видимо, готовится к приему первой дозы опиума, то бишь к поцелую. А лекарь следит, чтоб с первой же пробы передоз не вышел. Попытки вырваться и кричать: «Не буду я вашей, Ваня, и не надейтесь!» — успехом тоже не увенчаются, так как магу-стихийнику ничего не стоит сжать вокруг невесты воздух так, что трепыхнуться не получится и горло пережмет, лишь только выжить бы («Не вы первая, мисс, такая бойкая. И до вас строптивицы встречались!»). А после поцелуя и желания перечить уже не будет. Наоборот, служанка утверждала, что некоторые невесты после помолвки чуть ли не на коленях за женихом ползут, умоляя сразу забрать с собой.

«От меня такого, гады гадские, не дождетесь! Что я там читала о наркозависимости, пока отца по клиникам таскала? У кого-то сильное привыкание развивается сразу, с первого укола. Если и мне так не повезет, то крышка. Хорошо, что между помолвкой и свадьбой два дня перерыва положены. Если смогу удержаться в трезвом уме, надо будет программу противодействия этому химическому воздействию на организм продумать. Все перепробую, что в голову придет. Просто так русские не сдаются!» — думала Настя, пока служанки наряжали ее в белое кружевное платье и укладывали волосы в красивую прическу.

В храм Настя поехала в карете в сопровождении одного лишь отца. Мифическая мачеха и прочие вероятные «родственники» не показывались. На пороге храма она посмотрела на голубое небо и яркое солнышко. Ей хотелось, как Дюймовочке в сказке, попрощаться с ними, будто видит их в по-

следний раз. Но Еолофей дернул за руку, и дочь влетела за ним в темный зал со стрельчатыми сводами. После яркого солнца в полумгле храма Настя растерялась, временно ослепнув. Ее провели вперед и поставили рядом с высоким неподвижным силуэтом. «Жених, верно», — постаралась проморгаться и прозреть наконец Анастасия. Силуэт заговорил положенные слова. В сумраке угадывались лишь общие черты: высокий лоб, волосы до плеч, атлетического сложения фигура.

«Да и ладно! В моем случае внешность будущего мужа уж точно не важна. Главное, чтоб его опиум не сильно концентрированным был. И это мы прямо сейчас проверим — меня целовать собрались».

Настиных губ коснулись теплые твердые губы ее личного теперь наваждения, по верхней губе пробежал влажный горячий язык.

«Итак, яд проникает через слизистые оболочки. Ждем эффекта. А вот рот я тебе не открою! Меньше поверхность поражения — легче дезинтоксикацию вести».

Мужчина чуть усилил напор, но решил не настаивать и отстранился.

«А какой от него приятный запах! Почему только сейчас заметила? Ах, дуреха! Это же эффект пошел! Так, держим голову ровно и идем прямо. Не знаю, какой эффект дают наркотики, но у меня ощущение, будто бутылку красного вина натошак выпила. Лекарь на меня уставился, кивнул довольно. Ну, ну, ничего, сволочь, мы еще посмотрим, кто кого переиграет. Зря вы во мне хомячка разбудили, он теперь вас всех достанет своими хищными когтистыми лапками и перекусает на хрен». — Даже педагогическое образование не удержало Анастасию Николаевну от крепких выражений.

Выйдя из храма, она опять ослепла, теперь уже от яркого света. Отец запихнул ее назад в карету, и они покатали обратно домой. Жених где-то потерялся, но Настю это уже не волновало. Ей было хорошо и радостно. Чувство эйфории наполняло ее до краев. Ей казалось, что она качается на огромном пушистом облаке вверх-вниз, вверх-вниз. Она тихо хихикала и была абсолютно счастлива. Дома служанки посмотрели на ее блаженное лицо, вздохнули и оттащили в постель.

ГЛАВА 4

Даже хомячок, загнанный в угол, может стать сильным и изворотливым зверем.

«Где я? Что со мной? Как горит в груди, и голова раскаляется от боли! Ах да, помолвка! Это помню. Как в карету села, еще помню. Не помню только, как доехали, но это мелочи. Главное, я сейчас в сознании. Итак, будем думать, что у меня похмелье. С этим мне легче будет разобраться, опыт внушительный имеется, хоть и не личный. Чего я там всегда отцу советовала? Как он там, кстати? Совсем про отца забыла с этой смертью своей несвоевременной. Стоп. Сосредотачиваемся на главном. Отец в другом мире, связи с ним нет, он в больнице под присмотром, так что волнение за него — это не главное. Главное — решить, что мне делать прямо сейчас. Надо уменьшить концентрацию яда в крови, следовательно, пьем много воды, кваса, рассола хорошо бы, если тут такое есть. И обязательно надо поесть. Вторые сутки без еды. Тут и атлет от капли спиртного опьянеет. Есть лучше фрукты, творог, йогурт и мед. Итоговый вывод: идем на кухню, на месте разберемся, что тут есть, а чего нет. А служанки пусть воды принесут: контрастный душ помогает вернуть нормальное распределение жидкости в организме, как было написано в той памятке на стене папиной палаты в клинике».

Настя оперативно взялась за претворение планов в жизнь. Со стоном сползла с кровати, накинула халат и босиком помчалась искать кухню.

«И чего это повариха от меня шарахается? Не видела никогда, как юные мисс половником рассол из кадушки хлебают? Да творожком закусывают? И что это была за попытка в кладовую меня не пустить? Теперь пусть все, что я в боях потеряла, сама от пола оттирает. Я достаточно к себе запасов унести успела. Так, пора переходить к водным процедурам и физическим упражнениям».

Спустя час Настя выплыла из дома в местном костюме для верховой езды. Он представлял собой полноценный комбинезон: обтягивающий лиф сверху и лосины снизу — к талии, для соблюдения приличий, была пришита длинная многослойная юбка до пола. В этом мире не было женских седел, все ездили на лошадях одинаково, по-мужски. В руке горе-

мычная похмельная попаданка сжимала утащенные тайком ножницы. Конюх подвел к ней красивую стройную светло-серую лошадку.

— Это еще зачем? — спросила Настя, с ужасом косясь на животинку. Она в своем городке в жизни никогда на лошадях не сидела.

— Как зачем? — не понял конюх. — Вы ж, это, прокатиться хотите?

— Нет!

— Так, а чегой-то в платье таком? — недоумевал конюх.

Проходившие мимо служанки тоже глянули растерянно.

— Я в таком платье просто пройти хочу. По полям погулять, ясно?

— Так это ясно. Чего тут неясного, — почесал затылок конюх и повел лошадь назад в конюшню.

Служанки переглянулись и поскакали скорей новую сплетню о бедной обезумевшей невесте разносить. А Анастасия Николаевна Орлова, выпрямив спину и чеканя шаг, как на экскурсии с классом, потопала в сторону полей.

«Вот теперь вполне себе подходящая форма для пробежек, — разглядывала Настя комбинезон. Сидя в кустах на траве в одной сорочке, было непросто отпаривать пышные юбки, но руководитель кружка «Умелые ручки» с этой задачей справилась на отлично. — Вдоль поля хорошо утоптанная тропа идет. По ней и побегу».

Еолофей Баевич Марвек, купец средней руки, просто лучился довольством, принимая за обедом своего будущего зятя Северина Таиса. За столом присутствовали также его жена, два сына от второго брака и лекарь-маг, вынужденно гостящий в его доме до самой свадьбы. Не было только его негодной дочери, за которой полчаса назад была отправлена служанка.

«Если она опять начнет свои капризы разводить, в комнате запру. На хлеб и воду посажу! Неужели так трудно понять, как благоприятно эта родственная связь на нашей семье отразится. Ведь сын ее по закону и моим внуком числиться будет. И помогать будет. У магов с этим строго. Ей-то через годик уже все равно станет, а моим наследникам на всю жизнь польза».

Купец еще раз оглянулся на дверь. Обед не начинали, ждали невесту.

— Вы уверены, что с вашей дочерью все в порядке? Может, ей еще очень плохо после помолвки? Или она... э... не в себе? — спросил Авар.

— Уверен. Служанка говорила, она гулять пошла. Но это еще утром было. Давно должна была вернуться. — Еолофей посмотрел на недовольно нахмурившегося Северина и вытер холодный пот со лба. «Ну, Наиля, ты у меня попляшешь!»

Дверь в столовую приоткрылась, явив господским взорам испуганное лицо лакея.

— Господин, там мисс...

— Что мисс? Где она шл... — еле удержался от ругани хозяин дома.

— Вы сами посмотрите, господин!

Северин поднялся из-за стола. Вслед за ним встали и другие.

То, что дело идет не так, как надо, Настя поняла почти сразу. Благополучно выбравшись в отреставрированной амазонке на тропу, она побежала легкой трусцой вдоль колосащегося поля. Светило солнце, пели птички, ароматно пахли незнакомые цветы и в воздухе витал особый летний запах нагретой земли. После слякотной зимы на северо-западе России здесь был настоящий рай. Дома Настя в такую погоду спокойно пробежала шесть километров — два круга вокруг городского парка. Однако сегодня уже на первом километре, если не раньше, началось сильное сердцебиение и закололо в бок. К концу второго Настя уже скорее ползла, чем бежала. Тело взмокло, одышка была такая, что хоть скорую вызывай. Болело все! Ноги, руки, а особенно живот в области пресса. Ее тошнило, а мускулы сводило легкими судорогами.

«Неужели это наркота так действует? Вряд ли. Утром я почти со всеми симптомами справилась. Да и ум сейчас абсолютно ясный. Это с телом что-то не то! Может, отторжение чужой души началось? — На этой мысли Настю прошиб холодный пот. — Нет, это уж совсем невероятно! Душа — это же не орган, пересаженный и пришитый. А что тогда? Стоп. Опять я отвлекаюсь от главного. А главное у нас что? Как я вернуться смогу в таком состоянии? Кругом поля, ни одного

человека в зоне видимости нет, до дома километра четыре идти, если не пять. Поля-то под самыми окнами господского дома не засевают. А я не то что идти — ползти не могу». Настя присела на холмик, отдышалась и мужественно собралась в обратный долгий путь.

«Моя невеста уже пыталась утопиться, сбежать с бывшим женихом (разумеется, ему обо всем докладывали, женитьба — дело серьезное), проигнорировать первый обед и знакомство со мной. Что теперь случилось?» — Северин вышел на крыльцо и обомлел. От ворот по дорожке ковыляла, припадая на обе ноги, его невеста. Взмыленная, как скаковая лошадь, волосы подняты вверх и завязаны на макушке неопрятным пучком, лицо красное, как спелый помидор, а ее НАРЯД...

— Еолофей, во что она одета? — простонала рядом мачеха Наили. — Как ее слуги в таком виде выпустили за порог?

Хозяин дома потерял дар речи. Гости тоже. Северин изумленно разглядывал затянутое в какие-то жутко неприличные тряпки тело своей невесты. Пуговицы на верхней части наряда были расстегнуты до самой груди и даже чуть ниже. «Какая у нее высокая белоснежная грудь! Какие красивые стройные ножки! Никогда не думал, что мужские... штаны?.. кальсоны?.. так удачно подчеркивают достоинства женской фигурки!» — поразился будущий муж.

Тем временем Наила дошла до крыльца и посмотрела на встречающих.

— А, это ты мой личный опиум? Зачем пожаловал? — обратилась она к нему.

— Что такое «опиум»? — недоуменно спросил Северин.

— Сильнодействующий наркотик растительного происхождения.

— Я не опиум, я будущий муж! — раздраженно ответил жених.

— Подвинься, будущий муж! Присесть дай! Видишь — елживая.

— Северин, мисс действительно плохо. Ее нужно срочно осмотреть, — озабоченно произнес Лютен. — Не понимаю, что с ней, но это явно не последствия помолвки.

Северин подхватил девушку на руки и понес в дом. Мачеха бросилась вперед, показывать дорогу в комнату падчерицы.

— Ну что? Авар, что с ней?

— Странно, Северин. У нее сильное перенапряжение всех мышц, вызванное излишней физической нагрузкой. Что вы делали, мисс?

— Бегала, — процедила она.

— За вами гнались? Кто? Люди или зверь? — напрягся Северин.

— Никто! Я просто бегала.

— Зачем? — очень удивился лекарь.

— А что, девушка уже пробежаться не может?

— Наиля, что ты говоришь! Зачем же девушке бегать? Прогуляться полчаса по саду можно, а бегать-то зачем? Никогда она таких чудес не творила, — оправдывалась мачеха перед Таисом.

Лютен принялся водить руками над телом Таисовой невесты. Вскоре она облегченно вздохнула.

— Все хорошо. Мисс снова здорова. Не следует больше так перенапрягаться, — попенял ей Авар.

— О, замечательно! Теперь давайте наконец-то пойдем обедать, — заламывала руки мачеха. — Прислуга поможет Наиле привести себя в порядок и спуститься к столу.

— Девушке лучше пока полежать и не есть, — заметил лекарь.

— Пусть полежит, а мы пойдем.

Лютен пошел вслед за хозяйкой дома. На пороге комнаты он оглянулся на друга.

— Ты чего стоишь?

— Я останусь.

Мачеха замерла на пороге.

— Но, уважаемый лорд, это же неприлично. Наиле нужно принять ванну. Ванну!

— Не волнуйтесь, на это время я выйду.

На том и порешили. Устроившись в малой гостиной недалеко от комнаты своей невесты, Северин послал небольшой воздушный толчок в спину одного из лакеев. Через пять минут ему уже в красках расписали все, что творила хозяйская дочь сегодня утром.

«Вот я недообразованная! Зачем только нам литературу да историю в институте преподавали? Знала ведь, что до двадцатого века благородные девицы во всех странах и слыхом не

слыхивали ни о каком физическом воспитании и здоровом образе жизни. Это юноши у них могли спортом заниматься, а девушки должны были сидеть и вышивать. Да у меня второклашки мои любимые выносливее этого тельца. Надо будет серьезно заняться приведением своего нового тела в достойный вид. Привести, так сказать, тело в соответствие с духом. Так как дух у меня о-го-го! Загнанный в угол зверь способен на все! Даже хомячок», — рассуждала Настя, пока служанки мыли ей голову и причитали на тему, как же она их подвела своей выходкой, что за появление ее в таком наряде и порче дорогой амазонки с них хозяева еще спросят.

«Каждый выживает как может, — мысленно отмахнулась Настя от чувства вины. — Вы хоть живы будете».

— Не переживайте, если совсем свирепствовать будут — в мой новый дом придете. Я жениха своего попрошу вас на работу взять.

Калира с Пелией застыли на миг от изумления, а потом рассыпались в бурных благодарностях.

— В сорочку вас одеть? Вам ведь велено в постель ложиться?

— Мне велено с женихом сидеть. Так что платье, туфли. В кресло меня посадить и волосы расчесать.

— Так они еще мокрые, мисс.

— Так что ж мне, с мокрыми нечесаными лохмами суженого встречать? О, точно! Вы абсолютно правы, девушки! Мокрые волосы расчесывать — последнее дело. Вы мне половину шевелюры вырвете.

Служанки посмотрели на нее жалостливо, вздохнули, молча задумчиво одели и пошли на выход.

— Мисс Наиля, можно, мы сами лорду скажем, что вы нас с собой забрать хотите? А то вы ведь и забыть можете, — решилась спросить Калира.

— Конечно, конечно, — задумчиво пробормотала Настя.

Не успели служанки выйти, как жених соизволил войти. Анастасия Николаевна буквально впилась в него взглядом: «Хоть глянуть, кем меня высшие силы одарили. А то второй день присмотреться не могу: то темно, то ярко, то сил нет даже посмотреть».

Молодой мужчина, стоящий перед ней, был хорош собой. Густые каштановые волосы, породистое лицо. Большой лоб, высокие скулы, ровный «римский» нос, миндалевидные зеле-

ные глаза. Взгляд Анастасии прикипел к красивой формы губам. «Такой офигенной упаковки еще ни один кокс в мире не имел! Вот только собственный здравый смысл мне все равно дороже. А чего это жених на меня так уставился?»

— Не вздумай целовать! Покусаю! — предупредила Настя. Этот важный лорд надменно вскинул бровь.

— Я и не думал. А кусать не советую — при попадании нашей крови в организм человека эффект куда сильнее, чем при поцелуях. Волосы посушить? — Ладони мага засветились золотым светом.

— Не сожжешь?

— Мне не десять лет, — отрезал Таис. Отделяя прядь за прядью, он быстро сушил ее длинные волосы.

— А сколько тебе лет?

— Семьдесят пять.

— Сколько? Это шутка или ты так хорошо сохранился?

Северин внимательно посмотрел на невесту.

— Ты совсем все забыла? Маги живут до трехсот лет. Семьдесят пять — стандартный возраст для первого брака.

Настя переваривала новую информацию. Лекарь Авар упоминал, что маги живут дольше людей, но Орлова не думала, что настолько. «Ну мне бы только день продержаться да год простоять. Лютен говорил, что если за год не забеременею, то меня отпустят и дадут ему новую жертву. И я сделаю все, чтоб меня после этого года не пришлось отправлять в лаприкорий. Интересно, как тут дела с контрацепцией?»

— Вот и все! Твоя головка теперь в полном порядке.

Настя подошла к зеркалу и критически осмотрела результат трудов жениха. Волосы были высушены, расчесаны и уложены красивыми локонами. Она была вынуждена признать, что маг — не совсем бесполезное приобретение в хозяйстве. Тут ее многострадальный организм решил напомнить, что его опять с самого утра не кормили. Посмотрев на Северина, Настя решила:

— Есть будешь?

Маг глянул удивленно, но кивнул. Запасливая землянка встала на колени и залезла под кровать.

— Помогите! — выпихнула она из-под кровати край какого-то мешка.

— Это результат твоего утреннего набега на кладовку? — поинтересовался Северин, выкладывая на стол жареного цып-

ленка, вареный картофель, два пирога с капустой, кадушечку соленых огурцов, большую головку сыра, буханку хлеба, много фруктов, бутылку клюквенного морса, полный набор столовых приборов и шоколадный кекс.

— А, доложили! Тебе небось обо всем докладывают, как бы папочка ни пытался информацию утаивать.

Северин лишь пожал плечами. Тут и возражать нечего, конечно, докладывают, и в его доме докладывать будут.

— А зачем ты все это притащила и под кровать спрятала?

— Батюшка в последнее время стал злоупотреблять голодовкой как средством воспитания. А под кровать, судя по слою пыли, редко кто заглядывает.

— Ну, теперь пыли там стало намного меньше, — заметил Северин, оглядывая Настю. Один пасс рукой — и она снова стала чистой.

— Удобно!

— Что, прости?

— Удобно быть магом, говорю!

Будущие супруги мирно ужинали в спальне и не менее мило общались. Боясь выдать свое иномирное происхождение и не зная, о чем вообще говорить с незнакомым магом в чужом мире, Настя с самого начала попросила его «напомнить» ей, в какой стране они живут и какие еще страны и народы рядом присутствуют. Северина явно удивила такая просьба. Видимо, он считал, что потерявшей память девушке следует в первую очередь поинтересоваться, какие фасоны платьев нынче в моде и есть ли у правителя страны половозрелые незамужние сыновья. Тем не менее молодой человек отказывать невесте не стал и поведал, что страна их называется Тавирия, правит в ней король Мираил из династии Сарторов. Королевский двор располагается в столице страны — Тавии, рядом с которой, собственно, и находится дом купца Марвека. Королю уже двести сорок лет, он три раза был женат и имеет трех сыновей. Старшему сыну сто сорок семь лет, и он уже успел проявить себя разумным политическим деятелем, достойным будущего престола. Естественно, правящая династия, а также абсолютно все министры, советники и прочий наделенный властью люд были магами. Наша страна граничила еще с четырьмя странами, каждой из которых тоже управляли маги, и малым народцем горных троллей в южных горах руководил король-маг. Северин даже углубился в описание политических интриг и хит-

росплетений внешнеэкономических отношений с соседними странами, но быстро спохватился, что юной мисс такие истории неинтересны, и перешел к описанию красоты южных гор, чем очень огорчил Настю. Тем не менее за время этого почти семейного ужина землянка узнала об этом мире достаточно, чтобы не выглядеть глупее своих сверстниц, когда доведется с ними встретиться и побеседовать. Еще Насте очень хотелось выяснить подробности организации местной системы образования: кто, где, как и чему обучается, но Таис упорно игнорировал ее попытки перевести разговор на эту тему. Либо он просто не понимает ее намеков, либо с этим самым образованием тут настолько плохо, что и говорить не о чем. Насте казалось, что второе предположение вернее.

— А чем ты занимаешься? — решила выспросить стратегически важную информацию Настя.

— Руковожу лабораторий, — обыденно заметил Северин.

— ЧЕМ РУКОВОДИШЬ?

— Одной из лабораторий в столичном научно-исследовательском институте, — уточнил Таис. — Но ты не переживай, дома я работой не занимаюсь, никакие мои коллеги беспокоить тебя не будут.

Настя была поражена. Вот тебе и «все плохо с образованием», вот тебе и Средневековье! Она просто загорелась желанием выпытать все подробности про этот институт и прочее, но их милый, почти семейный ужин прервали.

— У вас все в порядке? — постучав, робко заглянул в дверь хозяин дома.

Увидев остатки банкета и смерив взглядом большой мешок на полу, Еолофей нахмурился, но комментировать ситуацию не стал.

— Вы тут уже четыре часа просидели, лорд Таис. Хотел вот на обед вас все-таки позвать, но... — Купец выразительно посмотрел на стол.

— Спасибо, я уже пообедал.

Молодой маг встал, церемонно попрощался с невестой, напомнил, что послезавтра свадьба и он сам заедет за суженой, чтоб отконвоировать ее к храму. Это если его речи в кратком Настином изложении пересказать. Владелец столичной лавки рассыпался в не менее церемонных ответных любезностях, и гость отбыл восвояси.

ГЛАВА 5

Умение договориться друг с другом — главное и важнейшее условие счастливой семейной жизни.

Ранним утром последнего дня своей незамужней жизни Анастасия Николаевна Орлова кралась в симпатичном платье по коридору к черному ходу, прижимая к себе запрятанную вчера от служанок амазонку, то есть нынешний спортивный костюм. Настя радовалась, что вчера додумалась попросить мага почистить его магически. Он так лихо тогда справился с ее волосами и запыленным платьем, что эта просьба сама вылетела из ее уст. Северин хоть и удивился в очередной раз, но отказывать не стал.

«Он вообще довольно милый, воспитанный, общительный, интересный, отзывчивый, внимательный, умный мужик. Ой, что-то я сильно много хорошего про него думаю. Он ведь еще и красивый! И умный! И образованный! Какой же он там все-таки лабораторией руководит? Тьфу на эту наркоту, не могу о нем не думать! Или это не наркота виновата? Он ведь меня так и не поцеловал вчера. Тьфу два раза! Это ж отлично, что не поцеловал! Я САМА о нем думаю? Он мне сам по себе нравится без всяких отравлений?» — думала Настя, выскакивая за калитку. Пробираясь под защитой густых кустов на утреннюю зарядку в поле, она продолжала размышлять.

Физические упражнения всегда помогали бывшей учительнице прояснить мысли, упорядочить все факты и сделать верные выводы. Выполняя стандартный комплекс упражнений, рассчитанный на учащихся второго класса, дабы избежать повторения вчерашних проблем, Настя начинала потихоньку наполняться злостью. Этот «отзывчивый и интересный» собирался в угоду своим интересам свести ее с ума, ежедневно накачивая неизвестным наркотиком, дающим кучу серьезнейших психических и умственных расстройств. После помолвки она только через сутки пришла в себя. А если бы ее тут же, не давая перерыва, снова посадили бы на дозу? Ведь именно с такой ситуацией ей и придется столкнуться после свадьбы. Она просто не сможет успеть побороться с этой проклятой зависимостью. Надо было вчера серьезные вещи с этим магом обсуждать. Выяснить подробнее все его планы отно-

сительно нее. Вносить в них коррективы и уговаривать дать ей шанс хоть иногда оставаться в уме и трезвой памяти. Вернее, регулярно оставаться в уме и трезвой памяти, чтоб хотя бы попытаться избежать печального конца. О влиянии беременности на рост наркотической зависимости спрашивать надо было, вдруг не найдет она здесь контрацептивов. Да и времени искать уже нет. Свадьба завтра, она в нескольких верстах от города, без копейки денег, интернет-магазинов, яндекс-карт и справочника гугла. Умолять его надо было с супружеским долгом повременить (и вообще, лучше бы отдал этот долг деньгами).

В дом Анастасия вернулась в самом боевом настроении, твердо намереваясь как угодно, но добиться себе в этом «браке» некоторых предпочтений. На удивление мирно позавтракав с «семьей» и оставшимся в их доме Лютеном, Настя попросила у отца разрешения съездить в город.

— Зачем это? К свадьбе все куплено давно, — буркнул «папочка».

— Ну пожалуйста! — умоляюще протянула Настя, вспомнив про свои обретенные голубые глазки. — Просто прокатиться. Если волнуешься, то я очень попрошу господина мага со мной поехать. — Она мило улыбнулась лекарю и похлопала ресницами.

Родитель, видимо сообразив, что лучше сплавить ополоумевшую дочку под надзор опытного мага, чем самому сторожить ее дома, разрешение дал. Лютен недовольно поморщился, но тоже согласился. Усевшись в его роскошный открытый экипаж, Настя отправилась решать назревшие проблемы.

— И куда бы вы хотели прокатиться в городе, — заговорил Авар, когда они уже подъезжали к городской стене.

— К жениху своему! Он ведь дома? И вы знаете, где он живет?

— Знаю, — несколько ошеломленно ответил лекарь, — и он дома, ему свободный месяц в связи с женитьбой дали.

«Целый месяц! А у нас всего три дня по такому поводу дают».

— А зачем это вы к нему собрались? — подозрительно спросил маг. — Он ведь вас вчера не целовал?

Под пронзительным взглядом Авара Настя гордо вскинула голову.

— Не целовал. Кстати, в чем смысл этой двухдневной отсрочки от неизбежного?

— Если после помолвки женщина демонстрирует слишком сильный темп привыкания и быстрый ход распада личности, то помолвку расторгают и магу выбирают другую супругу, так как эта не успеет выносить ребенка. В этом случае первая невеста в итоге всегда приходит в себя и продолжает жить нормальной жизнью, — пояснил лекарь.

Настя чуть из экипажа не выпала. Это ж надо быть такой непроходимой тупицей! Простейших выводов не сумеешь сделать! Калира же говорила, что некоторые невесты после помолвки чуть ли не на коленях за женихом ползут, умоляя сразу забрать с собой. А она-то, дуручка гордая: «От меня такого, гады гадские, не дождетесь!» Надо было сразу чрезмерное обожание женишку демонстрировать, ноги его целовать и одежду прям в храме сдергивать. «Ваня, я ваша навеки!» — кричать. А может, и сейчас начать не поздно?

Посмотрев на ухмыляющегося мага, Настя поняла, что поздно. Ясно, что проклятущее кукольное личико честно отразило все ее хитрые мыслишки.

— У вас ничего подобного не наблюдается, — развеял ее последние надежды Авар Лютен.

К месту Настиного будущего тюремного заключения, то есть к дому завтрашнего мужа, они доехали в гробовом молчании. Настя с утра была зла на Северина и несправедливость судьбы, а теперь еще и разъярилась на собственную глупость. У ворот солидного двухэтажного особняка их встретил привратник, а у входа какой-то важный слуга, видимо, дворецкий.

— Доложи, что к лорду его невеста в гости пожаловала.

Дворецкий невежливо вытаращился на девушку, но докладывать пошел.

— День добрый, Авар, Наиля. Что-то случилось?

— Здравствуй, Северин. Ничего не случилось, с тобой мисс Марвек увидеться хочет. А я к тебе вечером на бокал вина загляну. Невесту сам обратно до дома довезешь? — спросил лекарь.

— Конечно. Езжай.

Таис провел девушку в библиотеку и закрыл за ними дверь. Настя чуть ли не пыхтела от злости и еле сдерживалась, чтоб не начать выяснять отношения прямо с порога.

— Итак, ты все-таки захотела поцелуев?

— Окстись, малахольный! — отшатнувшись, закричала Настя.

— Что значит «окстись» и «малахольный»? У тебя очень странный словарный запас. Откуда ты набралась таких слов?

Настя смотрела на него и глубоко дышала, пытаясь успокоиться. Откуда, откуда! Он и слова-то «попаданка» не знает.

— Ты пришла, чтоб вспомнить, как выглядит твой будущий муж? — насмешливо произнес Северин, и Настю понесло.

— МУЖ? Скорее опиумный дозатор! Что ж, опиум для народа никогда не обходился дешево. Но давайте договариваться об условиях поставки.

— Что? Вы! Какой, к чертям, дозатор? То, что выживаемость нашей расы зависит от вашего вида, не дает вам права оскорблять меня!

— А у меня другое мнение по этому поводу. Я буду оскорблять любого, кто вздумает упечь меня в психушку. И хватит придирааться к определениям. Меня интересуют условия, а называться можете, как хотите.

Насте показалось, что если бы на столе Северина вдруг заговорил мраморный бюст, то маг посмотрел бы на него с меньшим удивлением, чем сейчас глядел на нее.

— Я вас не понимаю. О каких условиях вы все твердите? — неосознанно перешел на «вы» Таис.

— Я не хочу терять разум! Вы можете это понять? Если вы будете оставлять мне время на то, чтоб пытаться уменьшить вред от воздействия ваших психотропных средств, то я, возможно, останусь вменяемой.

— И как вы себе это представляете? Что конкретно планируете?

Настя оживилась: клиент идет на контакт! И она с жаром стала убеждать его в том, что поцелуи должны быть редкими, а воздействие на ее организм только этими поцелуями и должно ограничиться, к тому же ей следует позволить делать на территории супруга все, что поможет ей продержаться подольше, а именно: заниматься спортом, обливаться водой, вести домашнее хозяйство, читать книги и хоть изредка заниматься какой-нибудь работой вне дома.

По мере продолжения ее речи брови Северина все выше и выше ползли вверх. Он сел в кресло, сложил руки на груди и слушал ее очень внимательно. Когда Анастасия выдохлась и замолчала, он побарабанил пальцами по столу и резюмировал:

— Вы предлагаете мне заменить брак экспериментом.

— Ну... собственно говоря, да. Хотя браком это не было бы в любом случае.

— Такие связи заключают уже много тысяч лет.

— Это не делает их браком.

— Вы сами предлагали не спорить об определениях.

Настя прикусила губу.

— Вам ведь только ребенок нужен. Так заведите его через год от другой, более согласной.

— То есть другую вам не жалко?

Настя вздохнула. «Еще как жалко! Но тысячелетнюю систему просто так не переломишь».

— А не было случаев, чтобы жены оставались в нормальном состоянии? Вы вообще хоть кому-то давали шанс выжить?

— Еще как давали! Вы же не думаете, что нам, взрослым разумным людям, нравится жить рядом с безумным существом? Вступать с ним в близкие отношения? Не видеть в своей семье ни тепла, ни ласки и одним растить сыновей, тоже обреченных на такое же существование? Наша раса еще помнит, как все было раньше. У нас, как и у людей, были нормальные браки, которые заключались по любви (в отличие от вашей расы маги в личной жизни никогда не были расчетливы). Матери любили и лелеяли своих детей, в нашем мире царила гармония.

— А потом эта гармония вам надоела, и вы развязали войну.

— Это было много тысяч лет назад. Даже наши историки не берутся судить о причинах того конфликта.

— Хорошо, молчу. Вы согласны еще раз дать шанс теперь уже мне?

— Да. Хотя такие эксперименты и не проводятся уже очень давно из-за полного провала, я согласен дать вам этот шанс.

— Спасибо! Спасибо! — Настя чуть не бросилась целовать своего замечательного жениха, но в последний момент опомнилась. — И давайте опять перейдем на «ты», все-таки завтра свадьба.

— Хорошо. Ты очень странная. Я не помню, чтобы невесты других магов пытались что-то изменить. Мне кажется, ты из-за потери памяти не очень представляешь, что тебе предстоит.

— Еще как представляю, — вздохнула Настя, вспоминая свой вечный квест с отцом и собственное состояние после помолвки.

ГЛАВА 6

Помирать — так с музыкой! Не можешь изменить ситуацию — измени свое отношение к ней.

День свадьбы был не менее солнечным, чем день помолвки. Служанки нарядили Анастасию в очередное новое белое платье, еще более богатое, чем прежнее. Все невесты волнуются в такой день, но не у многих для этого есть столько реальных причин, сколько было их у бедной Насти. Нет, она верила своему жениху, верила, что он будет честно придерживаться достигнутых ими вчера договоренностей, однако все равно ее ожидало очень тяжелое испытание. В течение года подвергаться целенаправленному наркотическому воздействию и день ото дня бороться с собственным организмом, не давая ему скатиться в зависимость, — такого и врагу не пожелаешь. Настя была почему-то убеждена, что, закатав она вчера истерику и потребуя с пеной у рта расторжения помолвки, лорд Таис отпустил бы ее. Почему она этого не сделала? Здесь было несколько причин.

Во-первых, другую, что заняла бы ее место, было действительно жалко. Тем более что при местном домостроевском воспитании у благородных девиц мира Доин не было ни опыта противостояния жестоким реалиям жизни, ни даже элементарных знаний, которые помогли бы им избежать губительных последствий.

Во-вторых, папочка-купец вполне мог бы опять продать ее какому-нибудь магу, и этот маг мог оказаться далеко не таким сговорчивым, как Северин.

В-третьих, Северина тоже было жалко. Даже понимая, что ведет она себя как слезливая сентиментальная девица, купившаяся на красивые глаза и «душевные метания» очередного «покорителя сердец» из сериалов, Настя все равно сострадала ему.

В-четвертых, она смутно и робко надеялась, что сказанные «вышними силами» слова о «толчке к возрождению» были не просто красивыми словами и у нее действительно есть шанс справиться.

В итоге на крыльцо Настя выходила, ощущая себя чуть ли не христианской великомученицей, готовой пожертвовать

собой на благо мира. Правда, увидев сногсшибательно красивого жениха в белом наряде, Настенька быстро решила, что всякому положено нести свой крест смиренно и благочинно, и вспомнила цитату из прошлой жизни, что «страсть все усложняется представляется извращенной чертой человеческого характера». Северин с искренним восхищением смотрел на нее, и ей очень хотелось верить, что все сложится у них хорошо.

В храме было так же сумрачно, как и три дня назад. Теперь на середину зала ее вела рука не «отца», а без пяти минут мужа. Гости (члены ее семьи, Лютен и несколько незнакомых мужчин, видимо, родственников и друзей Таиса) встали рядом полукругом. Держа Северина за руки и глядя в глаза, Настя слушала его обещания и клятвы. Когда он замолчал, ей нестерпимо захотелось хоть что-то доброе сказать ему в ответ, выразить надежду на их благополучное будущее, но она помнила, что должна молчать. Памятуя о ее «потере памяти», Северин в течение всей поездки до храма старательно повторял ей все аспекты и тонкости ритуала. Таис отпустил ее и поднял свои руки ладонями вверх. По храму пролетел ветерок, и в ладони Северина опустились две цепочки с медальонами. Одну из них он надел на шею Насти, а вторую передал ей, чтобы она сделала то же самое. В заключение церемонии молодоженам было положено обменяться поцелуем.

«Помирать — так с музыкой!» — решила Настя и приникла к губам новоиспеченного супруга, с удовольствием знакомясь с их вкусом. Ее язычок пробежал по верхней губе мужчины, смело коснулся нижней. Муж отлынивать тоже не стал, и они долго и самозабвенно целовались на глазах у всей родни и ошеломленных магов.

Самым изумленным, однако, выглядел новобрачный, когда она выпустила его из своих цепких ручюнок.

«Он что, действительно думал, что я буду принимать его поцелуи, как принимает ребенок горькую микстуру: морщась от отвращения и жалея, что никак не отвертеться?» — удивилась Настя.

Кажется, Северин действительно так думал, причем не только он. Не успела пара выйти из храма, как к его молодой жене подлетел Лютен и начал водить руками перед ее лицом.

«Он похож на нахохлившегося ворона. И руками, как крыльями, машет. Вот умора! — веселясь, думала Настя, глядя

на лекаря. — И чего это ступеньки то ближе, то дальше, то ближе, то дальше? Это они скачут, или это меня качает вперед-назад? Ой, как меня крепко под локоть ухватили и дернули. Значит, это все-таки меня качает. А кто это меня дернул, собственно? Надо сказать, чтоб на место меня вернул и не трогал».

Молодая жена, пошатываясь, развернулась к мужу. «Ух ты! Вот это да! Аполлон! Бель-вель-дель-дэльский! Этот пусть дергает куда угодно. Лучше даже самой за него уцепиться, чтоб не забыл меня здесь, на этих глупых качающихся ступенях. У-у-у, как вкусно от него пахнет. Новый аромат «олд спайс»? Будет хитом сезона, гарантирую. До чего ж мне хорошо! И не надо так смотреть всем на меня! Я ж говорю: хорошо мне, не плохо!»

Северин удерживал шатающуюся, но вцепившуюся в него клецом жену и слушал ее малопонятные речи. Все окружающие тоже внимали каждому слову. Авар обиженно насупилась на сравнение с вороном, а в конце, не утерпев, спросил:

— А кто такие Аполлон, Олдспайс и Хит?

Ответа, естественно, не последовало. Новобрачная блаженно жмурилась на солнце, окончательно отрешившись от действительности.

— С ней все нормально? — озабоченно спросил Северин у друга.

— Все в пределах нормы, — пожал плечами Авар и ехидно заметил: — Особенно после такого поцелуя!

Гости и молодожены расселись по экипажам и покатали к дому Марвеков. Там, в парадном обеденном зале были накрыты праздничные столы. Слуги шептались, что Таисы не поспешили на угощение, а еще всей прислуге по одному золотому выдали, чтоб каждый мог отметить такое важное событие. Калира любовалась, как блестит на солнце ее золотая монетка, и хвасталась, что хозяин на радостях, что сбыл наконец-то дочурку с рук, простил им с Пелькой прошлый недогляд за молодой хозяйкой и разрешил остаться в доме.

Молодые, как положено, присидели за столом всего час. Потом семейство Таисов — Северин, его отец Марон Таис и дед Бориор Таис стали откланиваться. Вслед за ними поднялись и другие маги. В экипаж молодых погрузили вещи Наили Марвек (вернее, уже Наили Таис), и новобрачные уехали в свой столичный дом.

День свадьбы подошел к концу.

ГЛАВА 7

У умного, образованного мужчины есть как минимум одно несомненное достоинство — с ним никогда не бывает скучно.

Брачная ночь только начиналась.

— Пить! — хрипела молодая жена, сжимая руками гудящую голову.

Перед ней сразу возник стакан воды. Настя быстро выпила и протянула стакан назад.

— Еще!

Выпив три стакана, Настя отдышалась и осмотрелась. Она лежала на кровати в просторной комнате, стены которой были затянуты бледно-зеленым шелком, а на потолке белела алебастровая лепнина. В первый момент Настя решила, что еще день, но потом увидела тяжелые малахитового цвета шторы на занавешенном окне. «Тогда почему так светло? Свечи не дают так много света, да и на столике их нет». Осмотревшись внимательнее, она увидела, что во всех углах комнаты под потолком висят огненные шарики, светящиеся, как маленькие солнышки.

— Удобно!

— Что удобно? — раздался голос из глубокого кресла справа от кровати.

— Удобно быть магом!

— Ты это уже говорила.

Северин встал и приблизился к кровати. Он был в более удобной, чем белый парчовый свадебный костюм, домашней одежде. Зеленые глаза мужа внимательно осмотрели ее.

— Как самочувствие?

— Как после литра абсента, — буркнула Настя. — Яркие галлюцинации и жуткое похмелье. Что вчера было? Я опять помню, только как из храма вышли.

— Ну на ступенях храма ты назвала Авара вороном, а меня Аполлоном, сообщила, что тебе очень хорошо. Потом два часа молча улыбалась и ничего не говорила, после заснула и вот теперь проснулась. Кстати, кто такой Аполлон?

Голова Анастасии раскалывалась от боли, думать было очень трудно. Однако ляпнуть правду о пантеоне греческих небожителей инстинкт самосохранения не дал, она выудила из

памяти информацию о том, что в этом мире только два бога и никакого Аполлона среди них нет. Настя судорожно пыталась заставить свой измученный разум дать хоть какой-то правдоподобный ответ.

— Ну это так... Эталон мужской красоты! Просто выражение такое, девичье... — Настя искренне надеялась, что местной молодежной субкультурой маги не интересуются и такое объяснение сойдет. — Мне поесть бы, — как можно печальнее добавила она.

Ночью все слуги уже спали, и первый семейный ужин проходил на кухне. В этот раз вместо рассола Насте налили в стакан кислого фруктового сока, похожего на смесь лимонного и апельсинового. Из кладовой Северин достал творог, мед, запеченные в тесте яблоки и фрукты. Ее удивило, что муж налегал на еду ничуть не меньше ее.

— Ты что — не ужинал?

— И не обедал. За свадебным столом аппетита не было, дома за тобой присматривал да обустройством твоим занимался. Все привезенные вещи служанки уже развесили по шкафам. Если не понравится та спальня, в которой ты сейчас проснулась, то можешь выбрать любую другую.

— Уже понравилась. Я люблю зеленый цвет.

Муж сверкнул зелеными глазами.

— Что делать сейчас планируешь? Заснуть сможешь?

— Нет. Сейчас ванна и прогулка. А ты можешь спать ложиться, я тихонько вокруг дома погуляю, никуда не сбегу.

— Ну что ты! Не могу же я жену в первую брачную ночь бросить! Мне еще положено через порог спальни тебя перенести.

— Так разве не ты меня в спальню днем принес?

— Так то днем и в бессознательном состоянии.

— Ладно, хочешь нести — неси.

«Как хорошо на мужских руках лежать! Меня ведь первый раз в жизни так несут, если детство и болезни не считать. Прежние мои земные кавалеры такой галантностью и романтичностью не отличались, — думала Настя по дороге в спальню. — Вот почему в каждой бочке меда всегда есть большущая ложка дегтя? Если бы не эта ерунда с наркотическими феромонами, то против такого мужа у меня и слова возражения не нашлось бы. Правда, мы знакомы всего ничего и, возможно, он еще проявит свои темные стороны и ужасные привычки».

В спальне Настю опустили на пороге ванной комнаты, где стояла большая медная купальня, огромная бочка с водой и ведро литров на пятнадцать.

«А насоса-то у них еще не изобрели! — ужаснулась Настя, глядя на бочку. — И не изобретут!» — радостно добавила она, глядя, как переливается вода широкой дугой, повинувшись пассам мужа. Затем руки мага засветились золотистым светом, и Настенька поспешила предупредить:

— Сильно не грей! Похолоднее надо.

— Почему?

— Прохладная вода улучшит кровообращение, и голова станет болеть меньше, — коротко объяснила Настя.

Северин задумчиво посмотрел на нее, подогрел воду и вышел.

Через пятнадцать минут из ванны вышла посиневшая, трясущаяся как цуцик девушка. Новобрачный ошеломленно распахнул очи и бросился к ней, сверкая золотистыми руками.

— Прости ради богов! Мне казалось, вода достаточно теплая. Я не знал, что людям надо теплее, — оправдывался Северин, быстро согревая Настю. — Ты мне говори, если что-то не так, я редко с людьми общаюсь. Всегда думал, что мы только наличием магических способностей от вас отличаемся.

— Вероятно, так и есть. Вода была очень теплой, не волнуйся. Это я после ванны на себя три ведра холодной воды вылила.

— Зачем?

— Чтобы наркота твоя из организма быстрее вышла.

— С чего ты взяла, что холодная вода поможет? Может, наоборот, хуже станет?

— Нет, хуже не станет, — раздраженно заметила Настя. Только-только у нее уменьшилась головная боль, а он тут диспуты научные разводить начал, об очевидных вещах спрашивать. — Когда холодная вода попадает на тело, происходит резкое сужение сосудов. Затем очень быстро температура тела приходит в норму, приток крови к внутренним органам увеличивается в несколько раз и возрастает скорость циркуляции лимфы. В итоге выведение вредных веществ из организма происходит быстрее.

Посмотрев на ошеломленное лицо супруга, бывшая Орлова (и бывшая же Марвек) снова ощутила себя в роли заговорившего мраморного бюста. Тем временем муж успел ее полно-

стью высушить и даже волосы разгладить. Можно было собираться на прогулку.

— В домашнем платье прилично по двору гулять? — поинтересовалась Настя у мужа.

— По двору — да, но я предлагаю пройтись по городу.

Глаза землянки загорелись: увидеть столицу магов — это же сказочная мечта! Во время короткой поездки с Аваром до дома Северина Настя была в таких расстроенных чувствах, что внимания ни на что не обратила и даже ни разу по сторонам не глянула. А ночью город должен иметь особенно волшебный вид. Северин лишь улыбнулся, видя горячий энтузиазм в ее глазах.

Молодожены шли по ночной Тавии. Настя вышагивала рядом с Таисом, держа его под руку и вертя головой во все стороны. Главный город Тавии действительно поражал воображение. Улицы, мощенные разноцветным булыжником, были освещены газовыми фонарями причудливых форм. Вдоль всех дорожек тут и там стояли кованые ажурные скамеечки, украшенные по бокам вазонами с цветами. Все здания были каменные из того же отполированного камня, что и ее новый дом. А вот их отделка была преимущественно деревянной: резные ставни, витые внешние лестницы, изящные балкончики, навесные арки — все сделано из разных пород древесины и поражало мастерством исполнения. И все это великолепие буквально тонуло в благоухающих цветах. Храмы Донатоса сверкали высокими витражными окнами, красовались тонкими шпилями и богато отделанными золотом и серебром гигантскими дверьми. Через центр города протекала речка, набережная которой была облицована белым мрамором (мрамором!). Через эту небольшую речушку был перекинут вантовый мост, тоже ослепительно белого цвета. Настю поразило огромное количество парков и скверов, в ее родной стране Тавия могла бы точно называться самым зеленым городом.

Северин слушал восхищенные охи и ахи Насти и охотно делился сведениями о столице. Он рассказывал мифы о богах при осмотре барельефов на внешних стенах храмов, историю самых древних зданий, показывал ей здания музеев, театров, библиотек. Анастасии очень хотелось побывать здесь днем, зайти в соборы, ратушу, оружейную палату, но в ответ на робко высказанную просьбу Северин покачал головой.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ДЕРЖИТЕСЬ, МАГИ, Я ИДУ!	5
Часть вторая. ДЕРЖИТЕСЬ, МАГИ, МЫ ПРИШЛИ!	157
<i>Эпilog</i>	373